

Елена Городецкая

**ЧЁРТОВА
ДЮЖИНА**

16+

Елена Городецкая

Чёртова дюжина

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Городецкая Е.

Чёртова дюжина / Е. Городецкая — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В первую книгу молодой оренбургской писательницы Елены Городецкой вошёл цикл рассказов «Чёртова дюжина» о взаимоотношениях девушки Жени с мужчинами, а также другие рассказы, в которых автор поднимает проблемы одиночества, семьи, нравственности. Для широкого круга читателей.

1

О маме

Посвящается моей бабушке

Маликовой Валентине Ивановне

– Мам, я хочу к матери съездить. Отец не пускал, а тыпустишь?

– Да езжай. Но знай, что тут твой дом.

Папа умер две недели назад. Они развелись с матерью, когда мне было пять. С тех пор свою настоящую мать я не видел. Отец всегда был против нашей встречи. Почему? Не знаю.

1.0.1

* * *

– Женьк, иди померь эту рубашку, – позвала меня мама, когда мы были на базаре. – Тут и брюки вон неплохие. Давай одевайся.

– Мам, дорого это. Там я подешевле видел. Пошли туда.

– Да ёлки-моталки! Я кому говорю! Одевайся мигом! – Мама всегда ругалась, когда её не слушали. – Оборванцем хочешь матери показаться? Скажет, что я у тебя последний кусок отбираю и сама сжираю!

– И вообще у меня есть, в чём ехать же. Зачем всё это?

– Женьк, ты охренел что ли? Мы для чего сюда приехали? Скотину девки сегодня и выгоняли, и загонять будут. Я на работу не пошла, чтоб одеть тебя, а ты тут ещё концерты закатываешь!

Я молча надел рубашку и брюки. Как влитые! Ещё и с подтяжками! Но покупать за такую цену было ужасно стыдно. Мы жили не сказать, что совсем бедно, но всё-таки так себе. Ещё и отец теперь умер. Мама осталась одна с нами пятерыми. Мне двадцать, и я самый старший. Сёстрам четырнадцать, тринадцать и одиннадцать. Брат совсем мелкий ещё. Как теперь будем?

– Может, мне и не ехать?

– Прекращай давай. Раз собрался, значит езжай. Захочешь вернуться, двери для тебя открыты.

Мама купила эти брюки с подтяжками и рубашку. А ещё туфли к брюкам. Теперь я весь – с иголочки!

1.0.2

* * *

– Мам, я пошел у скотины убирать, – сообщил я сразу, как только переступил порог дома.

– На карде уже всё вычищено! – встретила меня Танька, старшая из сестёр.

– А у свиной?

– Туда не лазила. Пригнали коров, подоили и убрали на карде. Ни до чего больше пока руки не дошли.

– Значит я пошёл в свинарник.

– Таньк, есть что есть? – мама была голодной. – Устала я как собака!

– Я щи сварила. Ешь да ложись отдыхай. Мы уберёмся.

1.0.3

* * *

Утром чуть свет я оделся и пошёл на автобус. Путь предстоял неблизкий. К вечеру только должен был приехать.

– Куда это ты так вырядился? – спросил идущий навстречу сосед.

Я шёл гордый и ничего ему не ответил. Только улыбнулся. Все оглядывались на меня. Но никто не знал, куда я собрался. А гордый был больше от того, что, наконец-то, исполнится моя мечта и я увижусь с матерью.

С края села я увидел избу. Маленькое село, разваливающаяся избушка. Стало немного страшно от предстоящей встречи. Даже промелькнула мысль развернуться и уехать обратно домой.

Подошёл ближе к дому и увидел всю красу: завалинка осыпалась, некоторые ставни окон уже отвалились, некоторые набекренились. Ворота и забор почти лежали на земле. И здесь живёт моя родная мать...

Когда открыл дверь в дом, на меня пахнуло мочой. Сквозь оконные стёкла едва пробился свет. Занавески висели не на всех окнах, да и занавесками их назвать было сложно. Тряпки какие-то. Порванные и замусоленные. Полы усыпаны землей.

Прошёл в дом, не разуваясь. В средней комнате на кровати спала мать, рядом с ней какой-то мужик. Перегар стоял страшный: хоть топор вешай.

Прошёл в переднюю комнату и прилёг на диван. Понял, что приехал зря. Но уже темнело, а автобус только утром.

Чтоб не помять рубашку и брюки, снял и повесил рядом на стул. В шкафу нашёл какое-то старое покрывало, накрылся и быстро уснул.

Проснулся от грохота. Сначала ничего не понял и не сразу сообразил, где нахожусь. Мужик упал на пол, а мать над этим очень громко ухахатывалась. Оказалось, это она его столкнула, чтоб тот проснулся. Я хотел одеться, но не обнаружил своих вещей: на их месте лежали какие-то рваные штаны, старая майка, непонятный пиджак, а вместо новых кожаных туфель стояли галоши.

– Где мои вещи?! – заорал я.

– А ты чего припёрся сюда? – ответила мне мать.

– Тебя увидеть хотел.

– Отец же тебя не пускал!

– Он умер.

– Да ладно?! Значит дом – мой!

– Какой дом?

– Который он построил. Мы ж с ним женаты до сих пор. А я наследница.

– Отдай мои вещи. Мне их мама покупала специально, чтобы я сюда приехал.

– Ма-ма... А их тю-тю. Ушли они! За десять минут ушли!

– В кармане брюк были деньги!

– Денег тоже нет. Тю-тю, мой мальчик.

Я увидел, что на трюмо лежат деньги – остаток от её выручки. Быстро оделся в то, что лежало, схватил деньги и побежал к выходу. Мать пыталась меня схватить.

– Отдай деньги! – орала мне вслед.

Мужик не успел даже встать с пола, я перепрыгнул через него, увернулся от матери и выскочил на улицу. От дома я бежал, не оборачиваясь, но затылком чувствовал, что она гналась за мной что было сил, пока не поняла, что ей меня не догнать.

1.0.4

* * *

Домой я вернулся почти ночью. Все спали. Постучал в окно.

– Женька? Ты чего это так быстро вернулся? – Первая спросила Танька. – Что это на тебе? Мама смотрела на меня и ничего не говорила.

У порога я всё с себя снял, и сразу лег на свою кровать, отвернувшись лицом к стене. По щекам текли слёзы.

2

В бору

Когда мы с мамой и папой ехали по лесной дороге, разыскивая сладкое местечко, где можно было бы собрать грибов, вспомнила я старую байку:

– «Люблю осенним погожим денёчком побродить по лесу с ружьишком...

– На охоту?

– По грибы! Бывало, подойдёшь так и просто скажешь «ух, сколько грибов набрали...», а грибники врассыпную...

Папа засмеялся.

– Странно, почему в Бузулукскому бору так много песка? – быстро переключилась я с байки на размышления.

– Бор защищает нас, – ответил папа. – Если вдруг все деревья исчезнут, всю округу заметёт песком, и будет пустыня. Татарстан, Башкортостан, Оренбургская, Самарская области – всё исчезнет под барханами от малейшего ветерка.

– Ого! Серьёзно? Даже представить это боюсь. – Не была я в бору несколько лет, пока училась в университете. Приехав в гости к родителям, ужасно захотела свежих жареных грибов.

Бродить по лесу я всегда предпочитала с папой: мама обычно не отходит далеко от машины, а с папой за пару часов можно несколько километров обойти и набрать уйму грибов. Главное – не отставать от него.

– Пап, почему сосны растут рядами? – Первая наша остановка – в соснах. Ходить было просторно, между соснами – по несколько метров. Сосёнки молодые тянулись к небу. Поднимая голову вверх, ощущаешь себя будто лабиринте – даже солнца не видно, только свет сквозь деревья слегка пробивается.

– Потому что их сажали лесники. Поэтому и рядами.

– Зачем сажали?

– Старые вырубали, очищали лес, а потом сажали молоденькие. Когда я был ещё школьником, нас сюда даже возили поливать только высаженные деревья. – Он шёл впереди, я чуть сзади в стороне, чтобы грибы искать самой. Прошлись маленько и поняли, что кроме мухоморов ничего тут нет. Все лесные просторы я фотографировала на телефон и краем глаза увидела, что в бору сеть не ловит.

Дальше папа поехал в чернолесье: мы не оставляли надежду набрать грибов хотя бы на жарку. Объезжая огромные лужи, которые веками не пересыхают, довольно быстро приехали в другую часть бора, где был смешанный лес.

– Да тут ни грибов не видно, ни земли! – ахнула я, выйдя из машины. – Листья всё усыпали, аж в глазах рябит! Как же грибы-то искать?

– А вот и маслята! – Папа уже срезал целую семью грибов, которые разрослись вокруг дерева рядом с лесной дорогой. На другой стороне дороги мама тоже что-то собирала. Оглянулась вокруг и заметила, что остановились мы на полянке маслята, и кинулась с азартом их собирать. Голова аж закружилась от их множества!

– Пап, ты почему маленькие не собираешь? – убирая от глаз ветки и раздвигая кусты, я догнала ушедшего уже далеко папу. Глаза привыкли и могли легко отличать опята от листьев.

– Чтоб рот радовался! А эти даже на зуб не попадут!

– Ты что? Они же самые вкусные! – со знанием дела комментировала я, собирая следом за ним только появившиеся грибочки. – Фу! Ненавижу паутину.

– Если паутины много, значит, ещё долго тепло будет. Значит ещё не раз приедем за грибами, – казалось, у папы есть ответ на всё.

– Это, конечно, хорошо, только почему она мне на лицо липнет?

– А ты не подставляй своё лицо. Зачем подставляешь? – Папа успевал и мне отвечать, и грибы собирать, и идти так быстро, что мне приходилось почти бежать за ним. Как дети маленькие, когда идут рядом со взрослыми. При этом я старалась обойти все кустарники, упавшие деревья, заросли крапивы – в общем все места, где могла зацепить белую липучую пакость.

Над головой застучал дятел.

– Пап, смотри как долбит! Папа... – я замешкалась. – Я с тобой посоветоваться хотела...

Папа остановился, обернулся и внимательно на меня посмотрел.

– Что-то случилось?

– Нет. Только у меня просьба. Не говори пока маме. Она точно будет против.

– Хорошо. Так что у тебя?

– Я денег почти набрала. Хочу в Москву переезжать. Сейчас жду, когда меня пригласят на работу. То есть я как бы уже всё решила, но всё-таки мне важно твоё одобрение.

– Одобряю. Если что-то нужно, всегда помогу.

– Спасибо, папочка! – Я подбежала к нему, обняла и поцеловала.

– Тшшш... Аккуратнее. Грибы уроню, заново собирать придётся. – Папа улыбался.

– О! Вот они!

– Червивые не собирай там!

– Пап, а ведь у них всё как у людей. Вот они растут все вместе, и если взрослые грибы здоровые, то и совсем маленькие здоровые. А если взрослые червивые, то даже зародыши сразу становятся червивыми. Но если хотя бы один грибочек-сыночек начинает расти чуть поодаль, то он вполне может быть здоровым! Или наоборот. Семья вся здоровая, а один отщепенец – червивый! И вроде бы недалеко растёт от своей здоровой семьи, а всё равно!

Мы уже направлялись в сторону машины, набрав грибов, а опять встречалось всё больше и больше. Моя корзина была наполнена до краев, я сняла куртку и стала складывать маслята в неё. Увидев впереди чёрную насыпь, решила её обойти, чтоб не утонуть в земле. В один миг увидела, что на этой чёрной насыпи лежит, свернувшись клубком, чёрная, с красивым серебристым рисунком змея. Взвизгнув, я отскочила в сторону и побежала куда глаза глядят: никогда раньше я с ней не встречалась. Когда остановилась, поняла, что не вижу и не слышу папу.

– Паааааап! Паааааап! Ты гдееееее?

Он не отзывался. Только эхо раздавалось.

– Па-па! Па-па! Па-па! – Кричала, что есть мочи, но он не слышал меня. В панике я побежала обратно, чтобы хоть немного приблизиться к нему, чтобы он меня услышал.

– Па-па! Па-па! Па-па! – Бегала я из стороны в сторону и старалась ещё громче кричать:

– Пааааа-па! Пааааа-па! Паа-па! Кто-нибудь! Кто-нибудь меня слышит?!

Лес будто бы вздохнул, но никто не ответил.

Я села на землю и тихонько заплакала. Посмотрела в телефон: пятнадцать сорок три. Связи так и не было. Позади меня зашелестели листья.

– Папа?

Обернувшись, я увидела мышку. Взвизгнув, подпрыгнула на месте и отскочила в сторону. Меня трясло. Вытряхнула грибы из куртки и оделась. Трясти не перестало.

Корзинку оставила на месте и пошла по лесу в поисках хоть какой-нибудь дороги: папа всегда говорил, что любая дорога куда-нибудь приведёт. Где-то неподалёку что-то шелохнулось. Я вздрогнула. Но тут же поняла, что это лишь птица сорвалась с ветки и взлетела: с дерева посыпались листья.

Ноги уже идти не хотели. Под ложечкой засосало. Телефон был на последнем издыхании и показывал двадцать тридцать семь. Надежда покидала меня. Вспоминала, как в школе учили ориентироваться: искала муравейники, разглядывала мох на деревьях, пыталась найти столбики с номерами – папа рассказывал, что весь бор разделён на кварталы. Но ничего не помо-

гало. Снова села и разрыдалась ещё больше. Сколько раз я останавливалась и плакала, со счёту сбилась. Все глаза уже выплакала. Но каждый раз какой-нибудь шорох заставлял срываться с места и бежать от него подальше.

Среди сосен идти стало гораздо свободнее, больше ни кустарников, ни ветвистых деревьев, ни крапивы, даже паутину встречать перестала, только это означало, что я ухожу вглубь леса. А так ведь можно и неделю здесь бродить, а потом выйти где-нибудь под Самарой. Или вообще не выйти. Умереть здесь от жажды или голода, или, что ещё хуже, лось или кабан разорвёт. Ладно хоть волков здесь не водится. Хотя и в это мне уже не верилось. Надежда меня покидала с каждой прошедшей минутой. Тем более, начинало темнеть. Повернулась, чтобы взглянуть, где остался смешанный лес. Дальше чем на пятьдесят метров ничего не было видно. Пошла обратно. Дойдя до границы сосен и чернолесья, стала придерживать эту полосу, которая очень сильно петляла.

Желудок стонал от голода, ноги заплетались, руки не поднимались: я совсем обессилела и сдалась. Глаза хоть и привыкли к темноте, но всё равно вокруг плохо что-то различали. Я нашла лежачее дерево и присела на него. Даже плакать уже не могла. Клонило в сон. Где-то начала ухать сова, от чего стало жутко.

Вдруг вдали я увидела яркий огонёк. Сначала подумала, что задремала и мне это приснилось. Протёрла глаза руками и снова посмотрела. Правда что-то светится! Подскочив с дерева, я ринулась со всех ног в эту сторону. Мгновенно забыв об усталости, страхах, мешающих бегу ветках и кустарниках, метров пятьсот по лесу я преодолела минуты за две. Подбегая ближе, я увидела фонарь. Его лесник зажег на вышке. Не дошла до неё совсем чуточку. Выбираясь из чащи леса на дорогу, увидела заплаканную маму и бледного как полотно папу.

– Ой! Нашлась! Господи, спасибо! Ты услышал мои молитвы! – сквозь слёзы запричитала мама. Рядом с ними были какие-то люди, которые, как оказалось, прошли вдоль и поперёк этот участок леса, но мы почему-то ни разу не пересеклись.

– Как же ты это так?! Больше от меня никогда на шаг не отойдешь! – закричал папа.

Домой ехали молча. Было уже далеко за полночь, а этот день вымотал нас всех. Уже дома я попросила маму:

– Пожаришь утром грибы с картошкой?

3

Не всё учли

– Мам, мы расписались. Теперь ты со мной будешь разговаривать? Можно заканчивать играть в молчанку.

– А дети?

– Завтра всех усыновлю.

– Ну слава богу. Квартиру получили?

– Почти. Она ещё строится в новом доме. Как достроится, делаем ремонт и переезжаем.

– Виталик, я тебя очень прошу, не делай больше ничего подобного, я этого не переживу.

– Хорошо. Сегодня вечером ждём тебя в гости. Друзья придут, немного отметим воссоединение семьи.

3.0.5

* * *

– Проходите, гости дорогие, – Люба сделала подобие реверанса, приглашая Андреевых и Кузьминых к столу пока ещё в однокомнатной квартире. – Скоро нам будет просторнее, а пока довольствуйтесь тем, что имеем.

– Сейчас пиццу и роллы привезут. Пиво уже можно открыть, думаю, – поддержал новоиспечённую жену Виталий Дмитриевич.

– Предлагаю тост, – начал Артём Кузьмин, когда пиво было уже разлито. – За большую семью Чуйковских! Желаю вам расти и процветать! – Артём залпом осушил бокал. – А теперь расскажите, пожалуйста, как вам это удалось?

– Надо признаться, сам бы я до этого никогда б не додумался, – Виталий работал заместителем начальника городского управления молодёжной политики. – Это мне предложил Андрей Петрович. Вызвал меня однажды, Люба тогда была сыном беременна, дочкам было восемь, шесть и четыре, и говорит, чего вы ютитесь в однушке...

В дверь позвонили.

– О! Роллы! – переключился Виталий.

– Я открою. Рассказывай. – Люба отправилась получать заказ.

– И вот. Я не знал, как это устроить. С моей-то зарплатой... Но Андрей Петрович, как оказалось, всё продумал. Он же давно занимается субсидиями для молодых семей. И за очередью сам всегда следит. Он тогда объяснил, что матерям-одиночкам деньги получить проще. Я даже не сразу понял, к чему он клонит. Когда он мне сказал, что нужно развестись, я обалдел. Говорю, жену люблю, детей тем более, бросать их не собираюсь ни под каким предлогом. Он пояснил, что это только формально. Что мне от них даже уходить не придется.

– Раздвиньте тарелки, пожалуйста, – в комнату вошла Люба с пиццей. – Давайте растащим по тарелкам, а коробки я отнесу. Там роллы ещё.

– Мы оформили развод. Даже суд был! Так меня и родительских прав лишили. Об этом никто и не знал, только родители. Мама вон со мной даже разговаривать перестала. Целый год словом не обмолвилась!

Люба тем временем расставляла на столе роллы разных видов, раскладывала васаби, разливала соевый соус, раздавала палочки.

– Да потому что вы как хотите, так и живите, но зачем детей в это впутывать?! – возмутилась мама, входя в комнату.

– О! Мама! – Виталий подбежал к матери. – Давай вот сюда. – Он отодвинул стул. – Понимаешь, если бы мы просто развелись, по закону я бы должен был выплачивать алименты. А с моей официальной зарплатой, Люба может не работать и легко содержать себя и четверых детей. А нам нужно было обмануть закон, чтобы на халяву расширить жилплощадь.

– Слава богу, что всё закончилось.

– Продолжай, что там дальше-то было? – Внимательнее всех слушала Маша Андреева, будто брала на заметку, как бы повернуть подобную аферу.

– Дальше уже дело техники. Она – мать-одиночка. Собрала бумаги, подтверждающие, что у неё трое детей, четвёртым на сносях, что нет ни мужа, ни отца детей, никакой поддержки – декрет, однокомнатная квартира, официально без работы... Встала на очередь, в которой сразу же оказалась четвёртой по списку: таких было ещё несколько – одна с пятью детьми и две по четверо. И вот, через год она получила субсидию на расширение жилья, оформила её как первоначальный взнос ипотеки. Когда получит трёшку в строящемся доме, эту квартиру продаёт и гасит ипотеку.

– Квартиры обе её, получается?

– Конечно. Я бомж. Прописан у матери в квартире и никакого отношения к её жилью не имею, – Виталий Дмитриевич довольно улыбался.

– Будешь плохо себя вести, выгоню! – смеялась его жена. – И на детей ты никаких прав не имеешь!

Остаток вечера шутили про матерей-одиночек и одиноких мужчин, которым детей не доверяют.

3.0.6

* * *

Утром Виталий отправился в ЗАГС восстанавливать права отцовства.

– Вы не можете восстановить права на детей. Вас суд лишил родительских прав, поэтому и восстановить может только суд. И только в том случае, если Вы докажете, что бросили пить, интересуетесь жизнью детей. Суд должен понимать, что Вы исправились.

– А четвёртого я могу признать без суда? Жена родила, когда мы были в разводе.

– С этим проще, но нужно, чтобы она написала заявление на установление отцовства. По возможности нужно доказать, что именно Вы отец ребенка. Сделайте на всякий случай ДНК-анализ на родство с ребёнком. Он, может быть, и не понадобится, но лучше, чтобы он был. И если это будет доказано, то мы выдадим новое свидетельство о рождении ребёнка, где Вы будете указаны отцом.

Виталий Дмитриевич ничего не сказал Любе. На следующий же день он обратился в частную клинику, заключил договор на проведение ДНК-теста и сразу оплатил. Врач-лаборант выдал ему пробирки с ватными палочками и объяснил, как делать соскоб защёчного эпителия. Рано утром до водных процедур Виталий Дмитриевич сначала поводит палочкой у себя за щекой, а затем вскрыл вторую пробирку и, смешав сына разными гримасами, просунул ему в рот палочку и провёл ею по внутренней части щёчки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.